

Воскресная тоска. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Воскресная тоска. Василий Макарович Шукшин

Моя кровать – в углу, его – напротив. Между нами – стол, на столе – рукопись, толстая и глупая. Моя рукопись. Роман. Только что перечитал последнюю главу и стало грустно: такая тягомотина, что уши вянут.

Теперь лежу и думаю: на каком основании вообще человек садится писать? Я, например. Меня же никто не просит.

Протягиваю руку к столу, вынимаю из пачки "беломорину", прикуриваю. Кто-то хорошо придумал – курить.

... Да, так на каком основании человек бросает все другие дела и садится писать? Почему хочется писать? Почему так сильно – до боли и беспокойства – хочется писать? Вспомнился мой друг Ванька Ермолаев, слесарь. Дожил человек до тридцати лет – не писал. Потом влюбился (судя по всему, крепко) и стал писать стихи.

– Кинь спички, – попросил Серега.

Я положил коробок спичек на стол, на краешек. Серега недовольно крикнул и, не вставая, потянулся за коробком.

– Муки слова, что ли? – спросил он.

Я молчу, продолжаю думать. И так: хочется писать. А что я такое знаю, чего не знают другие, и что дает мне право рассказывать? Я знаю, как бывает в степи ранним летним утром: зеленый тихий рассвет. В низинах легкий, как дыхание, туман. Тихо. Можно лечь лицом в пахучую влажную траву, обнять землю и слушать, как в ее груди глубоко шевелится огромное сердце. Много понимаешь в такие минуты, и очень хочется жить. Я это знаю.

– Опять пепел на пол стряхиваешь! – строго заметил Серега.

Я свесился с кровати и сдул пепел под кровать. Серега сел на своего коня. Иногда мне кажется, что я его ненавижу. Во-первых, он очень длинный. Я этого не понимаю в людях. Во-вторых, он правдивый до тошноты и любит хлопать своими длинными ручищами меня по спине. В-третьих – это главное, – он упрям, как напильник. Он полагает, что он очень практичный человек и называет себя не иначе – реалистом.

"Мы, реалисты..." – начинает он всегда и смотрит при этом сверху снисходительно и глупо, и массивная нижняя челюсть его подается вперед. В такие минуты я знаю, что ненавижу его.

– Отчего такая тоска бывает, романтик? Не знаешь? – спрашивает Серега безразличным тоном (не очень надеется, что я заговорю с ним). Сейчас он сядет на кровати, переломится пополам и будет тупо смотреть в пол. Надо поговорить с ним.

– Тоска? От глупости в основном. От недоразвитости. – Очень хочется как-нибудь уязвить этот телеграфный столб. Нисколько он не практичный, и не холодный, и не трезвый. И тоски у него нету. Я все про него знаю.

– Неправда, – сказал Серега, садясь на койке и складываясь пополам. – Я заметил, глупые люди никогда не тоскуют.

– А тебе что, очень тоскливо?

– То есть... на белый свет смотреть тошно.

– Значит, ты – умница.

Пауза.

– Двадцать копеек с меня, – говорит Серега и смотрит на меня серыми правдивыми глазами, в которых ну ни намек на какую-то холодную, расчетливую мудрость. Глаза умные, в них постоянно светится мягкий ровный свет. Может, и правда, что

Воскресная тоска. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru ему сейчас тоскливо, но зато уж и лелеет он ее, и киснет как-то подчеркнуто. Смотреть на него сейчас неприятно. Он, наверное, напрашивается на спор, и, если в спор этот ввязаться, он будет до посинения доказывать, что искусство, стихи, особенно балет – все это никому не нужно. Кино – ничего, кино можно оставить, а всю остальную "бодягу" надо запретить, ибо это сбивает людей с толку, "расхолаживает" их. Коммунизм строят! Рассчитывают вот этим местом (постукивание пальцем по лбу) и строят! Мне не хочется сейчас говорить Сереге, что он придумал свою тоску, не хочется спорить с ним. Хочется думать про степь и про свой роман.

– Ох и тоска же! – опять заныл Серега.

– Перестань, слушай.

– Что?

– Ничего. Противно.

– В твоём романе люди не тоскуют? Нет?

"Не буду спорить. Господи, дай терпения".

– У тебя, наверно, положительные герои стихами говорят. А по утрам все делают физзарядку. Делают зарядку?

"Не буду ругаться. Не буду".

– Песни, наверно, поют о спутниках, – продолжает Серега, глядя на меня злыми веселыми глазами. – Я бы за эти песенки, между прочим, четвертовал. Моду взяли! "Назначаю я свидание на Луне-е!.." – передразнил он кого-то. – Уже свиданье назначил! О! Да ты попади туда! Кто-то голову ломает – рассчитывает, а он уже там. Кретины!

Я молчу. Между прочим, насчет песенок – это он верно, пожалуй.

Серега тоже замолчал. Малость, наверно, легче стало. Некоторое время у нас в комнате очень тихо. Я снова настраиваюсь на степь и на зори.

– Дай роман-то свой почитать, – говорит Серега.

– Пошел ты...

– Боишься критики?

– Только не твоей.

– Я ж читатель.

– Ты читатель?! Ты робот, а не читатель. Ты хоть одну художественную книгу дочитал до конца?

– Это ты зря, – обиделся Серега. – Надо писать умнее, тогда и читать будут. А то у вас положительные герои такие уж хорошие, что спиться можно.

– Почему?

– Потому что никогда таким хорошим не будешь все равно. – Серега поднялся и пошел к выходу. – Пройтись, что ль, малость.

Когда он вышел, я поднялся с койки и подсел к рукописи. Один положительный герой делал-таки у меня по утрам зарядку. Перечитал это место, и опять стало грустно. Плохо я пишу.

Не только с физзарядкой плохо – все плохо. Какие-то бесконечные "шалые ветерки", какие-то жестяные слова про закат, про шелест листьев, про медовый запах с полей... А вчера только пришло на ум красивейшее сравнение, и я его даже записал: "Писать надо так, чтобы слова рвались, как патроны в костре". Какие уж тут к черту патроны! Пуговицы какие-то, а не слова.

Воскресная тоска. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
В комнату постучали.

– Да!

В дверь заглянула маленькая опрятная головка. Пара ясных глаз с припухшими со сна веками (еще только десять часов воскресного дня).

– Сережи... Здравствуйте! Сережи нету?

– Сережи нету. Он только что вышел куда-то.

– Извините, пожалуйста.

– Он придет скоро.

– Хорошо.

Сейчас у Сережи начнется праздник. Тоску его липовую как ветром сдует. Он любит эту маленькую опрятную головку, любит тихо, упорно и преданно. И не говорит ей об этом. А она какая-то странная: не понимает этого. Сидят часами вместе, делают расчет какого-нибудь узла двигателя внутреннего сгорания. Сережу седьмой пот прошибает – волнуется, оглобля такая. Не смотрит на девушку – ее зовут Лена, – орет, стучит огромным кулаком по конспекту.

– Какой здесь кпд?!

Леночка испуганно вздрагивает.

– Не кричи, Сережа.

– Как же не кричать?! Как же не кричать, когда тут элементарных вещей не понимают!

– Сережа, не кричи.

Серега будет талантливый инженер. В минуты отчаяния я завидую ему. К сорока годам это будет сильный, толковый командир производства. У него будет хорошая жена, вот эта самая Леночка с опрятной головкой. Я подозреваю, что она давно все понимает и сама тоже любит Серегу. Ей, такой хорошенькой, такой милой и слабенькой, нельзя не любить Серегу. У них будет все в порядке. У меня же... Меня, кажется, эти "шалые низовые ветерки" в гроб загонят раньше времени. Я обязательно проморгаю что-то хорошее в жизни.

Вошел Серега.

– Прошелся малость.

– К тебе эта приходила. Просила, чтоб ты зашел к ней.

– Кто?

– Лена. Кто!

Серега побагровел от шеи до лба.

– Зачем зайти?

– Не знаю.

– Ладно трепаться. – Он спокойно (спокойно!) прошел к койке, прилег.

Я тоже спокойно говорю:

– Как хочешь. – И склоняюсь к тетради. Меня душит злость. Все-таки нельзя быть таким безнадежным идиотом. Это уже не застенчивость, а болезнь.

– Дай закурить, – чуть охрипшим голосом просит Серега.

Воскресная тоска. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Идиот!

Стало тихо.

– Вот так же тихо, наверно, стало, когда Иисус сказал своим ученикам: "Братцы, кто-то один из вас меня предал". – Когда Сереге нечего говорить, он шутит. Как правило, невпазд и некстати. – Дай закурить все-таки.

– Дождешься ты, Серега: подвернется какой-нибудь вьун с гитарой – только и видел свою Леночку. Взвоешь потом.

Серега сел, обхватил себя руками. Долго молчал, глядя в пол.

– Ты советуешь сходить к ней? – тихо спросил он.

– Конечно, Серега! – Я прямо тронут его беспомощностью. – Конечно, сходить. На закури и иди.

Серега встал, закурил и стал ходить по комнате.

– Со стороны всегда легко советовать...

– Баба! Трус! Ты же пропадешь так, Серега.

– Ничего.

– Иди к ней.

– Сейчас пойду, чего ты привязался! Покурю – и пойду.

– Иди прямо с папироской. Женщинам нравится, когда при них курят. Я же знаю... Я писатель как-никак.

– Не говори со мной, как с дураком. Пусть в твоих романах курят при женщинах. Остряк!

– Иди к ней, дура! Ведь упустишь девку. Сегодня воскресенье... Ничего тут такого нет, если ты зашел к девушке. Зашел и зашел, и все.

– Значит, она не просила, чтобы я зашел?

– Просила.

Серега посмотрел на меня подозрительным тоскливым взглядом.

– Я узнаю зайду.

– Узнай.

Серега вышел.

Я стал смотреть в окно. Хороший парень Серега. И она тоже хорошая. Она, конечно, не талантливый инженер, но... в конце концов надо же кому-то и помогать талантливым инженерам. Оказалась бы она талантливой женщиной, развязала бы ему язык... Я представляю, как войдет сейчас к ним в комнату Серега. Поздоровается... и ляпнет что-нибудь вроде той шутки с Иисусом. Потом они выйдут на улицу и пойдут в сад. Если бы я описывал эту сцену, я бы, конечно, вlepил сюда и "шалый ветерок", и шелест листьев. Ничего же этого нет! Есть, конечно, но не в этом дело. Просто идут по аллейке двое: парень и девушка. Парень на редкость длинный и нескладный. Он молчит. Она тоже молчит, потому что он молчит. А он все молчит. Молчит, как проклятый. Молчит, потому что у него отняли его логарифмы, кпд... Молчит, и все.

Потом девушка говорит:

– Пойдем на речку, Сережа.

– М-м. – Значит, да.

Пришли к речке, остановились. И опять молчат. Речечка течет себе по песочечку, пташки разные чирикают... Теплынь. В рощице у воды настоялся крепкий тополиный дух. И стоят два счастливейших на земле человека и томятся. Ждут чего-то.

Потом девушка заглянула парню в глаза, в самое сердце, обняла за шею.. прильнула...

– Дай же я поцелую тебя! Терпения никакого нет, жердь ты моя бессловесная.

Меня эта картина начинает волновать. Я хожу по комнате, засунув руки в карманы, радуюсь. Я вижу, как Серега от счастья ошалело вытаращил глаза, неумело, неловко прижал к себе худенького, теплого родного человека с опрятной головкой и держит – не верит, что это правда. Радостно за него, за дурака. Эх... пусть простит меня мой любимый роман с "шалыми ветерками", пусть он простит меня! Напишу рассказ про Серегу и про Лену, про двух хороших людей, про их любовь хорошую.

Меня охватывает тупое странное ликование (как мне знакомо это предательское ликование). Я пишу. Время летит незаметно. Пишу! Может, завтра буду горько плакать над этими строками, обнаружив их постыдную беспомощность, но сегодня я счастлив не меньше Сереги.

Когда он приходит вечером, я уже дописываю последнюю страницу рассказа, где "он", счастливый и усталый, возвращается домой.

– Сережа, я про тебя рассказ написал. Хочешь прочитаю?

– Хм... Давай!

Мне некогда разглядывать Серегу, я не обращаю внимания на его настроение. Я ставлю точку в своем рассказе и начинаю читать.

Пока я читал, Серега не проронил ни одного слова – сидел на кровати, опустив голову. Смотрел в пол.

Я дочитал рассказ, отложил тетрадь и стал закуривать. Пальцы мои легонько тряслись. Я ждал, что скажет Серега. Я не смотрел на него. Я внимательно смотрел на коробок спичек. Мне рассказ нравился. Я ждал, что скажет Серега. Я ему верю. А он все молчал. Я посмотрел на него и встретился с его веселым задумчивым взглядом.

– Ничего, – сказал он.

У меня отлегло от сердца. Я затараторил:

– Много не угадал? Вы где были? На речке?

– Мы нигде не были.

– Как?

– Так.

– Ты был у нее?

– Нет.

– О-о! А где ты был?

– А в планетарий прошелся... – Серега, чтобы не видеть моего глупого лица, прилег на подушку, закинул руки за голову. – Ничего рассказ, – еще раз сказал он. – Только не вздумай ей прочитать его.

– Сережа, ты почто не пошел к ней?

– Ну почто, почто!.. Пото... Дай закурить.

– На! Осел ты, Серега!

Воскресная тоска. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Сергея закурил, достал из-под подушки журнал "Наука и жизнь" и углубился в чтение – он читает эти журналы, как хороший детективный роман, как "Шерлока Холмса".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!